

Романы для девочек

Вера и Марина ВОРОБЕЙ

Герой ее романа

Вера и Марина Воробей

Герой ее романа

Серия «Романы для девочек»

Текст предоставлен изд-вом
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163021
Герой ее романа: Росмэн-Пресс; Москва; 2005
ISBN 5 353 02182-7

Аннотация

Наши герои закончили девятый класс. Кто-то, как, например, Ира Дмитриева или Максим Елкин, ушел в лицей, кто-то перешел в другую школу. Новый учебный год для бывшего девятого «Б» начался в новом составе: в их теперь уже десятом «Б» появились ученики из бывшего девятого «В». Как будут складываться отношения с новыми одноклассниками? Ведь у «вэшников» есть свой, всеми признанный лидер – Сергей Белов, или просто Белый.

Содержание

1	4
2	14
3	24
4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Вера и Марина Воробей

Герой ее романа

1

– Так, мне бы хотелось знать, что там у вас под партой происходит?

Вопрос математички Клавдии Петровны Санаевой, которую старшеклассники за глаза называли просто Клавой, вывел Белого из благодушной полудремы. Он лениво проследил за взглядом учительницы и краем глаза уловил, как Волков с Малышевой нервно расцепили под партой руки.

На губах Сергея появилась небрежная улыбка, сонливость миг слетела с него. Нормально ребята устроились! Времени даром не теряют: Ванька-то левша, Анька – правша, сидит как раз справа, так что ничто не мешает им списывать с доски формулы, держась за белые ручки.

– Да, да! Я к вам, Волков с Малышевой, обращаюсь! – подтвердила Клава.

В классе оживленно завозились. Белый собрался было перемигнуться с Алиской, обменяться, так сказать, мнениями, но вовремя вспомнил, что ее в классе нет. Она почти неделю в школу не ходит, простудилась слегка, ну и решила «поболеть».

– А в чем фишка-то? – подал голос Вовка Неделя, приятель Белого, сидевший с ним за одной партой.

– Неделькин, закрой рот! – тут же потребовала Клава.

– А я ничего, я молчу, – проворчал тот.

Но вместо него, действуя из самых лучших побуждений, возник Шустов:

– Да не берите в голову, Клавдия Петровна. Это у них привычка такая, рефлекс Павлова, типа «возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке». Они же по пещерам лазают со своим экстрим-клубом, им без страховки нельзя.

– Шустов, и ты туда же! – завелась Клава, согнав с лица Белого улыбку. – Воспользовались моментом, что вас контролировать некому? Нет, что за класс? Стихийное бедствие, а не класс!...

«Ну, это надолго!» – подумал Сергей.

Клавдия Петровна Санаева появилась в школе три года назад, и старшеклассники сразу же, особо не напрягая мозги, прозвали математичку Клавой. Прозвище это прижилось, как прижилась и его кличка Белый, потому что у него фамилия такая подходящая – Белов. А могли бы звать Серый, он ведь Сергей.

Короче, выбор всегда есть, особенно в школе, где практически каждый второй имеет прозвище. Вон его дружок Неделькин Вовка, а кличка у него Неделя. Виталика Комарова все Комаром называют. Опять-таки фамилия свою роль сыграла, хотя Виталик и внешне на комара чем-то смахива-

ет: такой же худой, нос длинный и вечно зудит у Белого над ухом. Понятное дело, в друзья набивается, а своего дружка Вадима по боку. Сергей этого не одобряет. У Вадима Ольховского почему-то прозвища нет. Стоит над этим подумать. А может, и не стоит. Борьке Шустову, к примеру, пробовали кличку Шут приклеить – любит тот побалагурить на уроке, – да номер не прошел. Шустов только на Боряна откликался, а на остальные не реагировал. Правильный пацан. Было между ними одно недоразумение в недавнем прошлом, было, да сплыло. Разобрались что к чему, после того как кулаками помахали.

А Клаву нужно было Мегерой прозвать – вечно она чем-то недовольна. Вот и сейчас решила свое дурное настроение на Волкове с Малышевой сорвать. Устроила им разбор полета, в сущности, по копеечному поводу. Волков сидит весь красный как рак, услышав про «очумелые ручки». Аня глаза опустила, в парту уставилась, ресницы дрожат, того и гляди разревется от обиды. За что страдают? Ответ прост: за любовь.

И вдруг в голову пришла мысль: «А ведь на месте этой провинившейся парочки запросто могли мы с Алиской оказаться, если бы не договорились сидеть по-старому: я – с Неделей, она – с Дашкой Свиридовой».

«Ты будешь меня отвлекать и сам не сможешь нормально учиться», – сказала Алиса нравоучительным тоном накануне первого сентября. Он не стал возражать по двум причи-

нам: во-первых, всем парням вскоре и так станет ясно, что Алиска – его подружка. Весной Сергей об этом мог только мечтать, а сегодня это уже свершившийся факт. И с ним любому придется считаться. Он об этом позаботится.

А во-вторых, а может, даже и во-первых, Белый клятвенно заверил директора, что исправит хромающее на обе ноги поведение и будет следить за успеваемостью, особенно за химией, одним словом, за ум возьмется. Ему ведь без аттестата никак нельзя. Он в Высшую школу милиции собрался поступать, по стопам геройски погибшего отца. За это обещание Федор Степанович выдал Сергею путевку в десятый «Б». И не ему одному. Вместе с ним из девятого «В» перешло еще восемь человек, остальные отправились в десятый «А». Среди них еще один его друг по прозвищу Скрипач – Левин Илья. Вот такая занятная картинка нарисовалась. Учились ребята вместе столько лет, учились, шишки вместе набивали, характерами притирались, а потом развели их по разным классам и привыкай заново к коллективу, завоевывай авторитет. Сергею это, конечно, все равно, он в любом месте на месте. Как это получается, ему и самому непонятно, но с его мнением всегда считаются.

Тут Белый досадливо поморщился: нет, ничего не помогает на этот раз! Чем он ни пытается себя отвлечь, а визгливый голос Клавы, будто шрапнель, по нервам бьет.

– Распустил вас Михал Михалыч своим либерализмом и мягкотелостью! Три недели прошло после каникул, а вы все

никак не соберетесь! Забыли, где находитесь? Так я напомним: это школа, между прочим, а не дом свиданий! Вы пришли сюда знания получать, а не за ручки держаться!

Волков скрипел зубами, скрипел, но последнего наезда не вытерпел, будто какая-то невидимая сила подняла его со стула.

– Я не понимаю, в чем вы нас с Аней обвиняете, Клавдия Петровна, – произнес он, старательно скрывая раздражение. – Что мы такого ужасного совершили? Подумаешь, за руки взялись. Это ведь учебному процессу не мешало, может, еще и помогало. А насчет дома свиданий... – Его губы тронула усмешка. – Я понятия не имею, что это за дома такие, так что придется вам на слово поверить.

Клава изумленно округлила глаза, подведенные ярко-синими тенями:

– Волков, ты соображаешь, что говоришь?

– А что я говорю? Я всего лишь повторил ваши слова, что школа не дом свиданий.

Произошло то, что и должно было произойти. Клавин перст негодующе указал на дверь:

– Вон из класса! Немедленно!

Коренастый Волков спорить не стал. Под напряженный шумок одноклассников собрал свои вещички, шепнул что-то Ане: мол, держись, альпинистка моя, скалолазка моя, и направился к двери – невозмутимый, уверенный в своей правоте.

– После шестого урока зайдешь в учительскую! Там и договорим! – выкрикнула ему в спину Клава.

Казалось, на этом все и закончится. Так нет. Как выяснилось чуть позже, все только начиналось. В кабинете, где было без малого двадцать пять человек, раздался грохот. Аня Малышева подхватила сумку, вскочила и бросилась вслед за Волковым, на бегу размазывая слезы.

– Малышева, не дури! Сядь на место! – попыталась вразумить ее математичка.

Аня в ответ резко хлопнула дверью. На парте остались ее учебники и тетради. По рядам прокатилась волна ропота, впервые за последние десять минут.

– Тихо! А ну прекратить разговоры! – Клава стукнула ладонью по столу. Темные глаза-буравчики вперились в Юльку-старосту: – Туполева, передай Малышевой, что без родителей я ее на свой следующий урок не допущу, и Волкова тоже.

Решив, что конфликт исчерпан, Клава в режущей слух тишине направилась к доске, взялась за мел:

– Итак, чтобы доказать тождество...

– Клавдия Петровна, но ведь так же нельзя! Вы же не правы! – неожиданно услышал Белый и резко, всем корпусом, развернулся назад, чтобы взглянуть на Дашку, Алискину подругу, потому что это был ее голос. – Вы так о любви говорили, будто это что-то неприличное. А ведь любить – это самое естественное в мире состояние, – не унималась дев-

чонка. – Любить себя, любить людей, любить жизнь. Торнтон Уайлдер, американский писатель, сказал, что есть страна живых и есть страна мертвых. И мост между ними – любовь... Единственный способ выжить... – И после короткой паузы Дашка, взглянув прямо в глаза математичке, произнесла звонким голосом: – Я думаю, что вы, Клавдия Петровна, напрасно обидели Аню и Ваню. И мне кажется, что вы должны перед ними извиниться.

«Вот это номер! Как Дашка нас всех сделала! Умыла по полной программе!» – искренне восхитился Белый, хотя и почувствовал легкую досаду: все, и он в том числе (и неважно из-за чего), проглотили это дерьмо. Все, кроме Дашки!

Что это с ней приключилось? Молчала, молчала столько лет, и вдруг – нате вам – выдала! Или эта тема ее так взволновала? Сергей прищурился и, пожалуй, впервые за эти три учебные недели присмотрелся к Дашке. Вроде бы все такая же худенькая, как тростиночка, личико по-детски нежное, все та же медово-каштановая коса почти до пояса, гладкие волосы на прямой пробор расчесаны. Сколько он себя помнит, у нее всегда либо коса, либо «хвост».

И все же что-то в ней изменилось за лето, какая-то она другая стала Дашка. Может, все дело в розовой кофточке? Такие все девчонки носят – на два размера меньше, чем нужно. С некоторых пор Белый стал замечать такие вещи, да и другие парни тоже вдруг прозрели в этом году, на одноклассниц совсем другими глазами смотрят. Короче, проснулся

конкретный интерес к противоположному полу.

«Нет, наверное, все дело в золотистом загаре, – решил Белый. – Она ведь на Волге отдыхала, а там солнце не чета кипрскому, за неделю не смоешь».

Словно почувствовав его взгляд, Дашка посмотрела на Сергея, их глаза встретились всего лишь на миг, а потом оба почти одновременно взглянули на Клаву.

– Значит, ты, Свиридова, считаешь, что я незаслуженно оскорбила эту парочку? – спросила Клава. – И должна принести им свои извинения?

– Да, я так считаю, – не отступала Даша.

– Тогда, думаю, тебе будет что обсудить с ними за дверью! Есть еще в классе такие, кто считает, как Свиридова? – Клава сурово посмотрела на класс.

Белый уже давно разобрался, что к чужому мнению математичка относится как полному недоразумению, не выдерживающему никакой критики. Но больше молчать не было сил. Все! Его терпение не беспредельно. И плевать ему на то, что он дал слово Федору Степановичу быть на уроках тише воды ниже травы и что у него в журнале уже стоит двойка по химии и еще одна на подходе.

Сергей встал:

– Я так считаю. – И, не дожидаясь учительского распоряжения, он стал запихивать вещи в рюкзак.

– Правильно, Белов. Прошу на выход вслед за Волковым, Малышевой и Свиридовой.

– Что и требовалось доказать! – язвительно заметил Белый.

Ничего не поделаешь, когда он срывался с катушек, его трудно было вразумить.

Лицо Клавы мгновенно побагровело, почище чем у Волкова несколько минут назад, а глаза превратились в злобные узкие щелки. Она обвела ими класс и, чеканя слова, произнесла:

– Учтите, десятый «Б», я никого не держу на своих уроках, но, прежде чем кто-то из вас уйдет в знак глупой солидарности или еще по каким-то там соображениям, советую учесть все последствия своего поступка!

Услышав эту неприкрытую угрозу, Неделя задергался:

– Белый, чего делать-то? – Он тоже был у завуча на заметке.

– Сам решай. Тут я тебе не командир, – тихо ответил Сергей.

Хороший у него друг, одно плохо – соображалка у Недели туго работает. Правда, и расстраиваться из-за этого особого повода не было: природа так справедливо устроена, что, обделив человека в чем-то одним, непременно компенсирует недостаток. Неделя был здоров как бык, косая сажень в плечах – не обхватишь и кулачищи пудовые. Он часто пускал их в ход, но не просто так, а всегда по делу. Сколько они с Белым наездом плечом к плечу выстояли – не сосчитать! Они ведь дворовые парни, не отморозки какие-нибудь, но с

уличной жизнью знакомы и знают: если на тебя накатили, то не сопли нужно распускать, не разговоры на пустом месте разводить, а отвечать ударом на удар.

В коридоре Белый сразу заметил Дашу и направился к ней широким шагом. Она стояла у дальнего окна одна и старательно выводила что-то тоненьким пальцем на пыльном стекле.

– Вот ты, оказывается, какая! Шумная, да умная! – проговорил Белый, подходя к ней.

Даша, слышав его голос, вздрогнула и быстро размазала ладонью буквы на стекле.

– Чего молчим? – Сергей усмехнулся и незаметно покосился на размытое пятно. – Поздно овечкой прикидываться, когда такое замутила! – продолжил он автоматически, думая о стертых буквах на стекле.

– Ну, положим, не я замутила. – Даша наконец-то обернулась, вытерла ладонь об ладонь и неожиданно сказала: – А я знала, что ты следом за мной выйдешь.

– Неужели? – Он прислонился спиной к стене.

– Да, знала, – без всякого кокетства ответила девушка и посмотрела на него своим строгим, чуть задумчивым взглядом. – Только зря ты это сделал, Сереж. На тебе ведь за всех нас отыграются.

– А-а, не бери в голову, прорвемся! Не впервой! – Белый сверкнул открытой белозубой улыбкой.

Он знал ее силу. Она ему от отца досталась вместе с фа-

милией. А так Сергей больше на мать походил: смуглый, волосы черные как ночь, на воротник небрежно спадают, глаза синие, нос прямой – не большой, не маленький, короче – обычное лицо, нормальное. Вот роста ему явно не хватает. Чуть выше среднего и в плечах не широк. По сравнению с Неделей он пацан. Но это только так кажется: силы ему не занимать, удар резкий и быстрый, реакция отменная, и она иногда выручает лучше, чем мускулы приятеля.

Словно отзываясь на его мысли, скрипнула дверь, и из кабинета вышел Неделя, а следом за ним... целая толпа: Лиза Кукушкина, Туся Крылова, Васек, точнее сказать, Василиса Остапченко, которую все с ее молчаливого одобрения называли Васьком за мальчишеские замашки, за ней Марина Голубева по прозвищу АББА. Она была без своей сестры-подружки Юльки Туполевой, второй половинки АББА. Оно и понятно: та староста, отличница, ей по штату не положено, не то что Маринке. Шествие замыкал Борька Шустов.

– Ой, что это? – удивленно прошептала Свиридова.

– Думаю, наше подкрепление. Нехилое, между прочим, – пошутил Белый, заметив, что одноклассники двинулись к ним, шумно переговариваясь, и уже когда ребята оказались рядом, он на полном серьезе произнес: – Молодца, перцы, своих в обиду не даете.

– А как же потом на себя в зеркало глядеть? – охотно отозвалась Туся, обожающая свое киношное отражение: недаром она на телевидении снималась в молодежном сериале.

– Я тоже перед собой отчитываюсь, – поддакнула Маринка. – Родители приучили.

– А я вот где-то прочитала, что нужно проживать каждый свой день как последний, потому что когда-нибудь он наступит, – подхватила эстафету Лиза Кукушкина, тряхнув рыжими кудряшками. – Но ведь действительно, если вдуматься...

– Любите вы, девчонки, свою начитанность проявлять, особенно ты, Лизка. Сразу видно, будущая литераторша. Сказала бы просто: совесть заела, – бесцеремонно оборвал ее Борька и без всякого перехода обратился к Дашке: – А где эта парочка «ручных» голубков, из-за которых мы здесь митингуем?

– Не знаю. Наверное, упорхнули. Я, во всяком случае, их в коридоре не застала, – спокойно и даже как-то меланхолично отозвалась Даша.

И Белый не удержался от мысли: «Неужели эта девчонка только что поставила по стойке смирно Клаву?» Перед ним была прежняя Даша: тихая, серьезная, строгая. И он вдруг задумался: «А какая из них настоящая? Та или эта? Эта или та? А может, обе?» Выходит, он ее совсем не знает. А что он вообще о ней знает? Знает, что она живет с отцом, без матери, что он у нее бывает в частых разъездах и Дашка в это время одна справляется дома, вот, пожалуй, и все. Он даже не знает, что случилось с ее матерью? Как-то раньше ему не приходило в голову задавать себе подобные вопросы.

В этот момент дверь кабинета математики в очередной раз

со скрипом отворилась, и оттуда вывалился Виталик Комаров.

– О, классно, что вы еще не ушли! Ну чума, во-о-ще! – Он зашагал к ребятам, подтягивая на ходу свободные джинсы с огромным количеством карманов. На губах Комара играла бесшабашная улыбка рубахи-парня: – Прикинь, Белый, Клава совсем разума лишилась. Я пока вещички на выход собирал, она самостоятельную врубила по новой теме. Задание на доске написала, сказала, что в конце урока тетрадки соберет, а отметки в журнал пойдут.

Борька присвистнул в ответ на эту новость. Васек выразилась яснее:

– Еха-моха.

Неделя поскреб в затылке. Белый равнодушно пожал плечами, как бы говоря: чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не вешалось. А Туся с лихой беспечностью заявила:

– Ну характеры мы свои проявили, двойки за самостоятельную нам от Клавы обеспечены. Спрашивается, что дальше делать будем?

– А пошли в кафешку на углу? – предложила Маринка. – Там сейчас народу почти нет.

– У меня денег шиш с маслом, – вывернул карман потрепанных джинсов Неделя.

– Ничего, на круг скинемся, – успокоила Лиза.

– А что? Это мысль, раны по дешевке залижем, а заодно Клаве косточки перемоем, пусть поикает, – беспечно ото-

звался Борька, взглянув на часы.

Часы у него были командирские, классные часы, дедовские. Все парни, и Белый среди них, завидовали Борьке, когда он вот так выбрасывал руку вперед и смотрел на круглый, плоский циферблат размером с походный компас. У этих часов, поговаривают, была своя история. Борька вроде как отдал их Алене Серовой, когда та уезжала летом к вновь обретенному отцу погостить. В общем, они стали чем-то вроде залога, чтобы Ленка вернулась в Москву, потому что Борька ее любил и не хотел потерять. Часы он обратно получил, а вот Алена его вместе бабушкой и сестренкой насовсем к отцу на Алтай перебралась. Любовь – любовью, а жизнь – жизнью, она диктует свои законы, и никуда от этого не денешься. Но Борька держится, виду не показывает, как ему тошно.

– Без двадцати два, – озвучил время Борька и, перевернув черную бейсболку с надписью «Nike» козырьком назад, сказал: – Ну что, двинули, а то через двадцать минут здесь пройти будет негде.

Все почему-то взглянули на Белого, словно ожидая его одобрения. Все, кроме Даши. Она смотрела под ноги.

– Нет, ребят, у меня дело одно неотложное. А насчет стратегии и тактики завтра перед уроками покумекаем. Утро вечера мудренее.

– А-а, ясненько, к Алиске своей болящей побежишь! – Васек подмигнула Белому: – Привет ей от нас передай, пусть лечится как следует.

– Ага, пусть поправляется. Ты как там, соблюдаешь положенные меры предосторожности? – сострил Шустов.

– Заканчивай, Борян! – Белый слегка, без замаха, ткнул его в корпус кулаком.

– Ой! – отреагировал тот, но не замолчал: – Чего заканчивай! Я серьезно. – Тон его говорил об обратном. – Может, у нас в классе вирус бродит. Второй случай как-никак.

– А кто еще болеет? – наморщила лоб Лиза, вспоминая.

– Как же, Варька Дробышева в школу уже неделю не ходит, – подсказал Борька.

– А ведь верно, – подтвердила Туся. – Я ей на днях домашку диктовала по телефону.

Варя Дробышева была настолько незаметна в классе, что о ней редко вспоминали. Вот и сейчас, едва вспомнив, практически сразу же забыли. Шумно переговариваясь, ребята отправились к выходу.

– Ну чо, я с ними? – просигналил Неделя.

Белый едва кивнул:

– Конечно, – и, взглянув на притихшую Дашку, неохотно предложил: – Не хочешь составить мне компанию?

Честно говоря, его не радовала перспектива оказаться у Алиски вместе с Дашкой – это перечеркнуло бы все его радужные планы на ближайшие часы, – но не предложить ей этого Белый не мог. Все же они подружки.

Даша отрицательно покачала головой:

– Нет, иди один. Передай Алиске, я ей вечером позвоню,

часов в девять.

Все так же не глядя на него, она закинула пестрый рюкзачок на плечо и поспешила за остальными.

Проводив взглядом ее тонкую фигурку, Белый почувствовал что-то вроде укола совести и покосился на окно, стараясь разглядеть в расплывчатых очертаниях намеков на какие-то буквы. Нет, ничего разглядеть невозможно, но что-то внутри подсказывало ему, что там, на стекле, было написано его имя – Сергей. Иначе зачем так поспешно уничтожать следы?

Белый знал, что нравится Дашке. Очень нравится. Во всяком случае, прошлой весной дело обстояло именно так. Но вроде никто об этом не догадывался, кроме него самого. Похоже, даже Алиска была не в курсе, что однажды Дашка подловила его одного на перемене и позвала в кино. Пролепетала что-то насчет убийного фильма, которым все парни торгуются, а он ей ответил:

– Извини, Даш, мне некогда. Сегодня «Спартак» с «Аланией» играет. Принципиальный матч, никак пропустить нельзя.

И услышал:

– А можно мне с вами на стадион? Васек ведь пойдет.

– Ты что! – растерялся Сергей, что редко с ним случалось. – Васек – это Васек, свой парень. А тебе там не место! Там же кругом... ну это... ненормативная лексика...

О разборках после матчей, когда у самых безбашенных фанатов в ход шли камни, ремни, бутылки и прочий вспомо-

гательный материал, он вообще не заикнулся. Как промолчал и о том, что происходит на трибунах во время самой игры. Это с экранов телевизоров все выглядит чистенько, честь по чести, флажки там: «Оле-оле! Россия, вперед!» А в реальности все намного круче. Потасовки, петарды, перебранка с милицией – обычное дело. Нередко до мордобоя доходит. Сам Белый относил себя к сравнительно миролюбивым болельщикам, но это вовсе не означало, что он не дорожил честью «Спартака». Приходилось и ему «махаться», когда наезжали.

Короче, Белый никак не мог представить Дашку на стадионе и вообще не мог представить ее рядом с собой. Однако она проявила упорство.

– А завтра? – спросила Дашка, нещадно теребя косу. – Может, завтра сходим в кино? Завтра ведь нет игры.

Тут Сергей понял, что нужно действовать напрямую. Ну действительно, зачем обнадеживать девчонку понапрасну?

– Понимаешь, Даш, – сказал он ей как можно мягче, – ты, конечно, хорошая девчонка, и я к тебе нормально отношусь, но давай сразу пробьём ситуацию – у нас с тобой ничего не получится. Характер у меня шепутной, не всякая с ним справится.

Это он на Алиску намекал, на бойкую да красивую. Между ними как раз в то время искорки начали проскакивать.

Дашка не глупая, поняла, о ком идет речь. Ни слова не говоря, она как-то странно улыбнулась, словно не ему, а сво-

им мыслям, и ушла. Ушла как сейчас, не взглянув на него, и на следующий день Белый даже усомнился: а был ли между ними тот разговор или ему это только почудилось? Потому что Дашка вела себя с ним как обычно: разговаривала, давала списывать домашку, по-прежнему неодобрительно поджимала губы, когда он что-нибудь откалывал. И на их с Алиской дружбе это никак не отразилось. Вообще вроде бы ничего не изменилось: Алиска по-прежнему сидела за одной партой с Дашей, гуляла по вечерам с Игорем Самохиным из одиннадцатого «А» и изредка поглядывала на Белого, как бы между прочим напевая при нем:

Все, что тебя касается,
Все, что меня касается,
Все только начинается,
Начинается...

Ну и началось этим летом, точнее, с выпускного вечера... Белый ее тогда в первый раз домой проводил. Теперь он у Алиски часто бывает: чай пьет, телик на удобной тахте смотрит, с родителями вежливо здоровается и прощается, когда такой случай выпадает. Они к нему нормально относятся. Отец Алискин его в шутку женихом называет. Сергей не возражает, только про себя посмеивается: «Прямо как у нас в дачном поселке. Взялся за руки – женись!» Может, он ко-

гда-нибудь и женится, и возможно, на Алиске, но это все в далеком будущем, куда не заглянешь. Хотя, что скрывать, отношения у них не совсем гладко складываются. Любит Алиска покапризничать, на своем настоять. Дня не может прожить без того, чтобы ею не восхищались. Ну так есть чем восхищаться. Алиска классная девчонка, все при ней, хоть сейчас на конкурс красоты выставляй: льняные волосы ниже плеч, глаза прозрачно-зеленые, с этакой лукавой хитринкой: мол, ты меня не догонишь и от меня не убежишь...

«О, кстати, пора к ней бежать», – подумал Белый, прикидывая, сколько у него в кармане денег и что он на них сможет купить.

Жили они с матерью не особо шикарно, но и не бедствовали. Мать работала в магазине, и еще пенсия за отца. В общем, на жизнь хватало. Квартира у них была двухкомнатная в обычной башне, машина хоть и старая, но на ходу. Теперь ее мать водила, а иногда и он за руль садился, хотя до прав было далеко. В обносках Серега не ходил, а из всех шмоток отдавал предпочтение джинсовому костюму, свежей футболке и удобным бутсам. Зимой он носил матерчатую куртку, весной и осенью – ветровку. Кожу Сергей терпеть не мог. Он в ней задыхался и удивлялся, когда парни выкладывали за это стильное неудобство немалые деньги.

Как ни странно это кому-то покажется, но, возвращаясь домой, Даша Свиридова тоже вспоминала события полугодовой давности. Конечно же она думала о Сережке Белове. Она постоянно о нем думала. Он был особенный, он отличался от всех ребят. Ни один из них не мог с ним сравниться. У него были властные жесты, четкие черты лица, не идеальные, но красивые, уверенная походка. Он всегда был подтянут, ходил с гордо поднятой головой, говорил всегда спокойно, с достоинством. Даже когда он опаздывал на урок или его вызывали в учительскую на разборку, он никогда не оправдывался, не извинялся. Учился Сережка неважно, но не потому, что у него не было способностей, а потому, что ленился лишний раз учебник открыть. Захотел бы, знал ту же самую химию от А до Я. Слов нет, он, конечно, любил похулиганить, но при этом у него было обостренное чувство справедливости. В такого парня трудно было не влюбиться, и Даша сама не заметила, как влюбилась. Но это была тайная любовь. Никто в классе о ней даже не догадывался. Да что там в классе! Алиска и та ничего не подозревала. Как все счастливые люди, она была чуточку эгоистична и беспечна.

А Сережка ходил по школе с приятелями, и девчонки для него вроде бы не существовали. Похоже, ему нравился только футбол. Вот его он мог обсуждать с друзьями часами, и

глаза его синие-пресиние сверкали, как две звезды на темном небосводе. Казалось, Даше радоваться нужно: не она, так ведь и никакая другая его не интересовала. Но нет, не получалось. В каждой улыбнувшейся ему красавице, в каждой пошутившей с ним ровеснице она видела угрозу своему счастью. Сердце ее начинало ныть при мысли: а вдруг он влюбится в одну из них? Что она тогда станет делать? И вообще как тогда дальше жить? Ведь ее любовь к нему не имела границ – как бесконечность. Ей и в голову не приходило подойти к Сергею первой, куда-то его пригласить, в общем, проявить инициативу. Она считала, что девушка должна ждать, когда ее заметят.

Но однажды у нее с Алиской зашел разговор, который заставил ее действовать. Они сидели у Даши дома, делали вместе уроки, и вдруг Алиска, томно вздохнув, произнесла:

– Любви хочется...

– Чего-чего? – переспросила Даша, погруженная в математические дебри.

– Любви! – внятно повторила Алиска, и пришедшее в эту секунду решение уравнения моментально вылетело у Даши из головы.

Ничего себе заявочка!

Уж кому-кому, а подружке грех было на это жаловаться. Мальчишки кружили вокруг нее, как шмели вокруг прелестного благоухающего цветка. С восьмого класса бесконечные романы – длинные и эпизодические. Так Алиска листала

страницы скучной и обеспеченной жизни. Один раз Даша пошутила на эту тему: «Ты что, поставила себе программу максимум и уверенно идешь на рекорд?» Алиска шутку не оценила. С тех пор они особо о чувствах не разговаривали. Точнее, Алиска делилась с ней то одной победой, то другой, а Даша внимательно слушала и помалкивала. Ей нечем было похвастаться.

– Это тебе-то, красавица, не хватает любви? – усмехнулась Даша, впрочем невесело.

Сергей Белов по-прежнему видел в ней только одноклассницу, у которой можно легко списать домашнюю работу или сдать самостоятельную по химии. Тут он всегда выбирал ее, вернее, не ее, а ее вариант.

– Представь себе, не хватает! – Алиска надула пухлые губы, подкрашенные дорогой помадой персикового оттенка, но тут же вышла из образа обиженной: – Вот и ты туда же – «красавица»! Ну, красавица! А толку что? Если бы мне каждый раз по доллару давали, когда это говорили, я бы давно миллионершей стала.

Дашка, у которой неплохо было с чувством юмора, коротко рассмеялась:

– Я бы на этом не разбогатела.

Теперь Алиска приснула в ладошку: красотой Даша не отличалась. И знала об этом. Единственная гордость – тяжелая коса. Только кто ее сейчас замечает! Это в старину ценили. И вообще с ней неудобно, хлопот много – мыть, расчесывать,

причесывать, а отрезать – рука не поднимается. Да и кто его знает, может, только хуже себе сделает?

Хотя Дашин отец утверждал, что она, как и ее мама, красива опасной красотой: скрытой, той, которую не каждому дано разглядеть. «Именно такие лица с несовершенными формами, – любил повторять он, – художники и вообще одухотворенные личности во все времена считали источником притягательности и вдохновения». Дашка не очень-то в это верила. У любящего отца всегда есть в запасе тысячи способов, чтобы успокоить дочь. Но и по поводу собственной внешности особо не комплексовала. Какая есть, такая есть.

– Нет, я серьезно, – сказала Алиска, перестав улыбаться. – Всем парням от нас, девчонок, одно только и нужно. – Тут она многозначительно посмотрела на Дашу, чтобы той стало ясно, о чем идет речь. Даша знала, подружка любила целоваться до самозабвения, но руки распускать не позволяла. – А мне хочется большой и чистой любви. Вон как у Малышевой с ее Волковым. Везде вместе, всегда воркуют, как голубки.

– Ну не везде и не всегда. Иногда и они ссорятся, – возразила Даша.

– Да брось! Волков готов ботинки Анькины лизать, – вздохнула подружка. – Даже в Прагу ее с собой возил, маме родной представлял. А хочешь скажу тебе одну вещь?

– Ну скажи, – рассеянно согласилась Даша.

Она вроде бы сообразила, как доказать тождество.

– Мне кажется, что Белый в меня влюбился.

Авторучка выпала из Дашиных рук, покатилась по столу и упала на пол:

– А почему ты так думаешь?

– Ну это вообще на подсознательном уровне работает. Сама понимаешь, у меня опыт в этом есть. В общем, похоже, парень повзрослел. Созрел, так сказать, для серьезных отношений. Но главное, мы же спектакль этот затеяли ставить с «бэшками».

– А он-то здесь при чем? – спросила Даша, мучительно соображая, как же от нее укрылось, что между Белым и подругой что-то происходит.

– А при том. Ко мне их Кахобер подошел, попросил, чтобы я с Сергеем поговорила насчет роли герцога. Я заикнуться не успела, а Белый мне: «А ты там будешь играть?» Я отвечаю: «А как же! Перед тобой, солнышко, леди Винтер». А он улыбнулся своей фирменной улыбочкой в тридцать два зуба, ну, ты сама знаешь, как он это делает, и говорит: «Тогда я согласен». Как тебе?

– Мне? – произнесла Даша онемевшими губами. – Мне ничего, – и схватилась за соломинку, как утопающий: – А как же Игорь? Ты же говорила, что на этот раз все серьезно.

Алиска в последнее время с Игорем из одиннадцатого «А» встречалась. Стоило ему появиться в прошлом году в школе, как старшеклассницы прозвали его Томом Крузом. Алиска его у Вики Смирновой отбила, первой красавицы

школы, и очень этим достижением гордилась.

– А что Игорь? – помолчав, сказала Алиса. – Я же от него не отказываюсь. Но у нас с ним в последнее время что-то не клеится, – призналась она и принялась за решение уравнения.

А Даше стало не до синусов и косинусов. Она решала для себя совсем иную задачку. Гораздо сложнее, не с двумя, а с тремя неизвестными.

В любви, как известно, каждый сам за себя. И потом, у Алиски ведь ничего серьезного с Сережкой не было. Пока. Нужно было срочно что-то делать, как-то менять ситуацию. И она решила: была не была. Спустя два дня, набравшись храбрости, Даша подошла к Сергею, чтобы пригласить его в кино. А вдруг сработает? Вдруг она привлечет его внимание, когда они будут вдвоем. Запинаясь и краснея, она промямлила что-то о том, что фильм всем парням нравится, убойное такое кино, и получила в ответ: «Извини, Даш, но ты мне не нужна». Нет, Сергей, разумеется, так не сказал, все же он неплохо к ней относился, но смысл короткого диалога был именно таков: мне нужна не ты, а Алиска. После этого Даше ничего не оставалось, как уйти. И она ушла. Молча. Без слез. А душа ее при этом кричала на всю Вселенную: «Глупый слепец! Как же ты не видишь – тебе нужна только я! Я одна и никто другой!»

Шли дни. К концу приближалась последняя четверть. Репетиции, экзамены, все будто с ума посходили. Что же каса-

ется Даши, то она, как ни странно, продолжала на что-то надеяться. А потом случилось то, что случилось. Сергей сначала приклеил охранника к стулу, а чуть позже подрался с Борькой Шустовым. Как все утверждали, эти подвиги он совершил из-за Алиски. Она к тому времени уже рассталась с Игорем, или он с ней расстался, ну да это неважно. Главное, что Алиска устремилась на поиски новой большой и чистой любви. После выпускного бала, когда Сережка отправился провожать Алиску, Даша окончательно прозрела и поняла – чуда не произойдет. Сергей для нее навсегда потерян.

Она уговаривала себя: «Брось! Он не стоит твоих слез. Ничего в нем особенного нет – это все твои выдумки». Но напрасно Даша занималась самовнушением. Сердцу нельзя приказать разлюбить. Впрочем, и полюбить тоже...

Спустя два дня Даша уехала в Кострому к сестре отца на все лето, а когда вернулась двадцать восьмого августа, то узнала, что Алиска и Сергей теперь вместе. И слышала она об этом не от кого-нибудь, а от самой подруги. На губах Алисы играла гордая улыбка:

– Можешь поздравить, мы с Белым встречаемся. Ты же знаешь, я влюбчивая, но на этот раз все не так. Он то, что мне нужно.

И хотя Даша уже не первый раз слышала от Алиски похожую фразу, она сказала:

– Поздравляю! – и даже нашла в себе силы улыбнуться в ответ.

С первого сентября, когда они собрались в десятом «Б» классе, все пошло по-другому. Как будто появилась новая точка отсчета. Жизнь Даши стала иной. Не лучше, не хуже – просто иной. И сама она изменилась, пережив первое разочарование в любви. Даже Алиска это заметила:

– Что-то с тобой не так. Влюбилась, что ли?

– Влюбилась. Только не спрашивай в кого, у нас с ним все равно ничего не может быть, – ответила Даша.

Алиска не стала настаивать, видно, решила, что Дашкино увлечение осталось в Костроме. А может, она горела желанием поскорее рассказать Даше о том, как у нее развивается роман с Сережкой, но Даша ее на первом же слове оборвала:

– Прости, Алис, мне совсем не хочется говорить на любовные темы.

– Ну как знаешь, – пожала плечами Алиска, недовольно нахмурившись.

И хотя они по-прежнему назывались подругами и по-прежнему сидели за одной партой, после того разговора словно трещинка пролегла между ними, малозаметная, но все же... Алиска больше не делилась с ней секретами, как там ее роман продвигается, и Даша была этому только рада. Да и видятся они с Алиской стали реже, все больше в школе. А для Сергея она по-прежнему была просто одноклассница, девчонка, каких вокруг много, и только сегодня он, кажется, заметил ее – Дашу Свиридову. Как принято говорить в таких случаях: не было бы счастья, да несчастье помогло. Только

это ничего не меняет...

А в это время Белый стоял перед Алискиной дверью. В одной руке он неловко держал распутившуюся розу на толстом длинном стебле, шипы с которого он предусмотрительно попросил продавщицу срезать, другой нажимал на кнопку звонка. Заслышав легкие Алискины шаги, Белый внезапно прикрыл ладонью глазок. Вдруг захотелось сделать ей сюрприз, а заодно проверить ее бдительность. «В наше время следует соблюдать осторожность. Это во мне будущий милиционер заговорил», – успел подумать Белый, прежде чем услышал:

– Что за дурацкие шутки! Кто там? – Голос за дверью звучал, как и положено, настороженно и раздраженно.

– Это я, твой самый большой друг, – улыбаясь, ответил Белый словами из мультика.

Алиса сразу узнала его и насмешливо отозвалась:

– Ах, друг! Да еще и самый большой! Ну тогда заходи!

Щелкнул замок, дверь открылась, и она предстала перед ним во всей красе. Ну, прямо кукла Барби, доведенная до совершенства: макияж, прическа, наряд.

– Ты куда-то собираешься? – на всякий случай уточнил Белый.

– Только если ты меня куда-нибудь пригласишь, – с лукавой усмешкой сказала Алиска.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.